

УДК 342.31; 342.156

ВНОВЬ К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОМ СУВЕРЕНИТЕТЕ И НОВОЙ ГЕОПОЛИТИКЕ: АКСИОЛОГИЯ ПРАВА И РАЗМЫШЛЕНИЯ АВТОРА

© 2019 г. Н. М. Добрынин

*Институт государства и права Тюменского государственного университета;
Тюменский научный центр Федерального исследовательского центра РАН*

E-mail: belyavskaya@partner72.ru

Поступила в редакцию 22.01.2019 г.

Статья посвящена критическому осмыслению автором современной теоретической модели государственного суверенитета как неотъемлемого признака самостоятельности национальных государств, а также проблемы ее практической реализации в условиях глобализации, и особенно в контексте геополитических событий, имевших место в последнее время. Автор подчеркивает нарастающую нестабильность современного миропорядка, проявляющуюся прежде всего в казуистическом истолковании некоторыми политическими режимами устойчивых, неоднократно проверенных временем принципов и ценностей международного права, и обосновывает тезис о том, что гарантией соблюдения и реализации национальных интересов России в современных условиях остается последовательное развитие отрасли российского конституционного права на основе и с учетом сугубо юридической рациональности и незыблемости общепризнанных принципов и норм международного права.

Ключевые слова: конституционализм, государственный суверенитет, глобализация, национальные интересы, безопасность, международное право, конституционно-правовое развитие, российская правовая традиция, народ, народный суверенитет.

DOI: 10.31857/S013207690004859-6

Полисемическая характеристика понятия «суверенитет» в свете последних тенденций глобализации и геополитики: постановка проблемы

Любому, даже не вполне искушенному, читателю, интересующемуся государственно-правовой жизнью и политикой, как минимум, интуитивно понятно, что есть суверенитет. Тем не менее многозначность данного понятия, полисемичный характер словоупотребления, связанного с обсуждением проблематики суверенитета и суверенности, являются достаточным побудительным мотивом к тому, чтобы начать освещение соответствующих вопросов, отталкиваясь от неких хрестоматийных характеристик этого непростого, но чрезвычайно важного политико-правового положения государственности в парадигме современного мироустройства.

Итак, *Российская Федерация* – суверенное государство, что закреплено в Конституции РФ. Под государственным суверенитетом принято понимать верховенство, самостоятельность и независимость

государственной власти внутри своего государства и по отношению к другим государствам.

В ст. 4 Конституции РФ установлено, что суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию, включая внутренние воды, территориальное море и воздушное пространство над ними.

Российская Федерация также обладает суверенными правами на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне, которые не являются частью ее территории: признание за Российской Федерацией суверенных прав в этих пространственных пределах означает, что если она, например, не разрабатывает минеральные или живые ресурсы на шельфе, то никто не может делать этого без согласия Российской Федерации.

Верховенство государственной власти означает ее неограниченность ничем, кроме нормативного правового акта с наивысшей юридической силой. Только законно образованные органы государственной власти имеют право регулировать

общественные отношения посредством принятия нормативных правовых актов.

Независимость государственной власти означает, что никто внутри и вне государства не может вмешиваться в исключительное право органов государственной власти осуществлять деятельность в пределах своей компетенции.

Российская Федерация как суверенное государство самостоятельно определяет форму правления, государственного устройства и политический режим, а также систему органов государственной власти, основы организации местного самоуправления, самостоятельно организует свою финансовую, денежную и банковскую системы, обеспечивает территориальную целостность.

Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами, если это не влечет ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя (ст. 79 Конституции РФ).

Таким образом, государственный суверенитет есть необходимый качественный признак Российской Федерации как государства, характеризующий ее конституционно-правовой статус.

Единственным источником власти и носителем суверенитета в Российской Федерации является ее многонациональный народ (ст. 3 Конституции РФ). Из этого следует, что государственный суверенитет исходит из суверенитета народа, т.е. *народный суверенитет* первичен по отношению к *суверенитету государства*. Волеизъявление народа порождает государственную власть.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» сформулирована принципиальная правовая позиция относительно государственного суверенитета Российской Федерации.

Суть этой позиции заключается в том, что в Конституции РФ не допускается какого-либо иного носителя суверенитета и источника власти, помимо многонационального народа Российской Федерации, и, следовательно, не предполагается какого-либо иного государственного суверенитета.

Суверенитет Российской Федерации исключает существование двух уровней суверенных властей, находящихся в единой системе государственной власти, которые обладали бы верховенством

и независимостью, т.е. не допускает суверенитета субъектов Российской Федерации¹.

Конституция РФ связывает суверенитет Российской Федерации, ее конституционно-правовой статус и полномочия, а также конституционно-правовой статус и полномочия субъектов Федерации не с их волеизъявлением в порядке договора, а с волеизъявлением многонационального народа, который, реализуя принцип равноправия и самоопределения народов, конституировал возрожденную суверенную государственность Российской Федерации.

Таковы самые общие, базовые характеристики понятия «суверенитет». Казалось бы, всё в данном вопросе предельно понятно, а сложностей правоприменительного, в том числе интерпретационного, характера возникать не должно.

Однако это — обманчивое впечатление: жизнь, как и всегда, оказывается богаче вымысла, поскольку воплощение теоретических конструкций и идеалов — удел практики. А практика, как известно, весьма изменчива, восприимчива к конкретным историческим условиям реализации тех или иных политических и социальных практик.

При этом применительно к вопросу о понятии суверенитета многообразие этих политических и социальных практик должно учитываться в планетарном масштабе, а не ограничиваться только национальным менталитетом и традициями государственности отдельных субъектов международного права.

Сложно в этой связи не признать справедливым верное наблюдение А.Л. Бредихина, который пишет: «Мировая политическая и правовая системы, построенные на понимании суверенитета в качестве формальной категории, испытывают существенные проблемы. Во время так называемого “мирового финансового кризиса” идея об отмирании суверенитета ввиду экономической глобализации не нашла своего подтверждения. Несмотря на высокую степень интеграции в рамках Европейского Союза, наиболее развитые экономики данной международной организации в период кризиса направили накопленные резервы в первую очередь на решение внутригосударственных экономических, финансовых и социальных проблем. Это подтверждает самостоятельность, независимость государств, стремление обеспечить самодостаточность и реализацию национальных интересов. <...> До сих пор остаются проблемные территории, где происходили и продолжают вооруженные конфликты, так или иначе связанные с борьбой за суверенитет (территория бывшей Югославии, Ирак, Южная Осетия, Абхазия, др.). Формальные нормы

¹ См.: СЗ РФ. 2000. № 25, ст. 2728.

о суверенитете не в состоянии решить данные проблемы»².

Осложняется понимание сути понятия «суверенитет» еще и тем обстоятельством, что данный принцип, выступая универсальным индикатором той или иной государственности, в эмпирическом масштабе охватывает не только все аспекты устройства (конституирования) базовых общественно-политических взаимосвязей как внутри определенного государства, так и вовне, но и все без исключения стороны внутренней и внешней политики государства.

Именно поэтому сегодня мы можем с полным правом говорить, например, о разграничении понятий государственного суверенитета и народного суверенитета, о существовании военно-политического суверенитета, экономического суверенитета и фискального суверенитета, суверенитета внутриполитического и в международных сношениях и т.д.

В результате отмеченная таким образом полисемия понятия «суверенитет» дает почву для того, чтобы, принимая во внимание последние тенденции глобализации и непростые реалии геополитики, в очередной раз обратиться к проблематике суверенитета и суверенности — прежде всего в попытке уточнить сообразно велениям времени связанные с указанными категориями смыслы, опираясь на общепризнанные гуманистические ценности и идеалы поступательного развития современной цивилизации в качестве именно цивилизации права.

Народный суверенитет и суверенитет государства в перекрестье ценностей общественного правосознания: конвергенция или контрадикция?

Нельзя не согласиться со справедливым утверждением С.А. Авакьяна, когда он пишет, что «*основой любого разговора о суверенитете*» (выделено мной. — Н.Д.) является категория “народный суверенитет”. Что это? Если говорить иными, более ясными читателю словами, народный суверенитет — это народовластие, принадлежность народу всей власти в обществе и государстве. Именно *полновластие народа* (курсив наш. — Н.Д.) должно соединить такие понятия, как суверенитет и демократия. В конце концов изначально демократия и означает власть народа, а суверенитет позволяет придать этой власти такое качество, как верховенство — ничего нет и не может быть выше власти народа».

Далее этот же ученый уточняет свою позицию: «Не будем отрицать очевидное — до реальной власти народа нам еще далеко,

а о своем — государственном — суверенитете обязано заботиться любое государство. Все так. Однако если мы хотим соединить две исторические ценности, суверенитет и демократию, следует говорить о великом достижении человечества — идее суверенитета народа, тем более когда она нашла конституционное воплощение в России»³.

Таким образом, С.А. Авакьян стремится подчеркнуть эксклюзивную роль народа как особого и единственного субъекта государственно-правовой жизни, который только и может как изначально, так и в конечном счете выступать историческим творцом судеб своего государства. При этом, как можно заключить, идея полновластия народа в работах С.А. Авакьяна предстает в виде объективной, естественно-правовой (надпозитивной и надгосударственной) константы, закономерным итоговым выражением которой может являться и так называемое «*право народа на революцию*».

Несмотря на то что сам ученый прямо о таком «праве на революцию» не говорит, он, анализируя угрозы народному суверенитету, например, отмечает, что «различные общественные силы могут возомнить себя единственными носителями суверенитета народа, выразителями его интересов. Через это наша страна уже проходила: была одна партия, видевшая в себе олицетворение народного суверенитета. Но почему-то ее печальный опыт не очень-то учитывается новыми политическими образованиями. Хотя записано в Конституции (статья 13), что “в Российской Федерации признаются политическое многообразие, многопартийность”, некоторым силам непременно хочется быть ведущими за счет обескровливания политических партнеров. Ничего хорошего в этом нет. Нам не нравилось, когда на выборы шли более 40 партий и движений, но мы настороженно воспринимаем и наличие так называемой правящей партии, особенно когда ее членами становятся губернаторы и прочий правящий “класс”, административный ресурс активно используется на выборах, оппозиция призрачна и состоит из партий-сателлитов»⁴.

Указание на «*печальный опыт*» КПСС в контексте упомянутого выше «*права на революцию*» представляется в достаточной степени объясняющим авторскую позицию С.А. Авакьяна по поводу смысла *идеи полновластия народа*.

Точку зрения, имеющую иные смысловые основания и оттенки применительно к *идеям полновластия народа и народного суверенитета*, выражает Б.С. Эбзеев. Он, в частности, отмечает, что «конституционализм не сомневается, что в условиях демократической правовой государственности

² Бредихин А.Л. Суверенитет как политико-правовой феномен. М., 2014. С. 3.

³ Авакьян С.А. Точка отсчета — народ // Росс. газ. 2006. 26 окт.

⁴ Там же.

верховенство и полновластие народа, его независимость от любой иной власти носят правовой характер. «Абсолютная» власть народа есть правовая власть, в действительности обусловленная фактическими условиями и реализуемая в установленных конституцией формах. Следовательно, «суверенная власть народа» не стоит над правом. Напротив, это – правовая власть, ограниченная в своих пределах правом и осуществляемая в строго правовых формах. Власть народа, оформленная конституционно, становится частью правового порядка, установленного конституцией. В этом смысл воспроизводимых практическим конституционализмом естественно-правовых представлений о надпозитивном праве».

Далее он утверждает, что «конституционализм закрепляет демократию не в смысле господства народа, основой которого могла быть его единодушная воля; речь идет о рациональной организации политического процесса и обеспечении политического единства народа в условиях многопартийности и плюрализма. Это, в свою очередь, обуславливает конституирование основным законом не только прямой, но и представительной демократии – равноценных по своему значению и занимаемому в системе демократии месту. <...> Именно такое понимание, основывающееся на отказе от интерпретации демократии как господства народа в смысле идентичной демократии, доминирует в европейском конституционализме и развивается доктриной Конституционного Суда РФ и отечественным государствоведением в целом»⁵.

Как видно из приведенных суждений, позиции по вопросу о понимании народного суверенитета и его пределов в русле проблематики демократии, сформулированные С.А. Авакьяном и Б.С. Эбзеевым, казалось бы, довольно ощутимо различаются.

Вместе с тем едва ли было бы оправданным считать, что, например, С.А. Авакьян, широко понимающий социокультурные основания и, как результат, пределы народного суверенитета, ратует за его абсолютизацию вплоть до оправдания антиконституционных сценариев реализации народом своего полновластия.

Точно так же у нас нет поводов предполагать, что Б.С. Эбзеев, говоря о правовых рамках реализации «суверенной власти народа» и подчеркивая ее подчиненный праву характер, имеет в виду право лишь как комплекс формализованных норм поведения: существование разницы между правом и законом к настоящему времени убедительно доказано философами и теоретиками права, и, не

учитывая Б.С. Эбзеев в своих рассуждениях этого обстоятельства, не было бы в его работе никаких, даже малейших, упоминаний о естественно-правовых идеях надпозитивного права и т.п.

Следовательно, точки зрения С.А. Авакьяна и Б.С. Эбзеева, служащие отправными ориентирами в *концептуальном осмыслении проблематики народного суверенитета и народовластия*, хотя и не совпадают, но всё же не так далеки друг от друга, как могло бы показаться на первый взгляд.

В свете изложенных доводов у нас не остается никаких сомнений в том, что ученые прежде всего рассматривают *проблему народовластия и народного суверенитета как правовых явлений*, исходя из того, что ни один антиправовой феномен ни по существу, ни по формальным признакам не может и не должен трактоваться в качестве служащего выражением этих сложнейших и в то же время крайне ценных принципов современной человеческой цивилизации.

И здесь возникает вполне нетривиальный вопрос: где же находится та грань, на пересечении которой народовластие и народный суверенитет, будучи по своей природе и сущности явлениями сугубо правовыми, рискуют переродиться в нечто антиправовое, противное самим основам мирного и созидательного социального бытия?

По нашему убеждению, эта грань может быть обнаружена в первую очередь посредством обращения к *проблематике правосознания и правовой культуры*, поскольку именно эти социоюридические феномены определяют тональность правовых переживаний, интерпретаций и действий в повседневной жизни людей, именно они задают планку нормальности в границах юридического быта и именно от них, от их качества зависят степень и глубина нетерпимости обществом каких бы то ни было форм произвола, дискриминации и ущемлений.

Нам представляется в обозначенном выше контексте уместным и немаловажным обратиться к соответствующим исследованиям И.А. Ильина, поскольку именно учение о правосознании занимает одно из центральных мест в научном наследии этого крупного российского философа и юриста.

Вообще правосознанию И.А. Ильин придавал особое значение и особую роль в качестве жизненной среды для государственно-правовых явлений. Свое видение ученый противопоставлял концепции о «внешней» природе права и государства, отмечая при этом, что «должна быть усмотрена и усвоена их «внутренняя», душевно-духовная сущность. Право только «проявляется» во внешнем, пространственно-телесном мире; сферой же его настоящей жизни и действия остается

⁵ Эбзеев Б.С. Народ, народный суверенитет и представительство: доктринальные основы и конституционная практика // Государство и право. 2016. № 4. С. 34, 35.

человеческая душа, в которой оно выступает с силой объективной ценности. Государство в своем осуществлении “предполагает” наличие множества телесно разъединенных людей, теорий и внешних вещей; но именно человеческая душа остается той средой, в которой зарождается, зреет, протекает – и государственная жизнь индивидуума, и жизнь государства как единого целого. <...> Усмотреть наличие, достоинство и компетентность нормального правосознания – значит найти путь для разрешения всех основных жизненных затруднений, вытекающих из природы права и создающих немало теоретических споров и даже “антиномий” в юридической науке»⁶.

В обоснование представленных тезисов И.А. Ильин приводит ряд аргументов, любопытных с точки зрения вопроса о соотношении народного суверенитета и суверенитета государственного.

Во-первых, в здоровом и верном правосознании И.А. Ильин усматривает связующую силу, обеспечивающую органическое единство автономии, присущей природе человеческого духа, с одной стороны, и гетерономного порядка властвования – с другой. «Отвергнуть автономию личного духа, – утверждает И.А. Ильин, – значит нарушить цель права и подорвать его жизненную силу, отвергнуть власть, значит разрушить средства, необходимые для этой цели, и пути, по которым эта сила идет к осуществлению... Индивидуальный дух должен влить свою автономию в строение и деятельность власти; а власть должна усмотреть в духовной автономии форму своего бытия, принцип своей жизни и цель своего дела».

Во-вторых, по мнению И.А. Ильина, право, представляя по своей природе «явление духовной солидарности, связующей человека с человеком...», может существовать и действовать в жизни людей только тогда, если они чувствуют и понимают свою солидарность, т.е. не только сходство своих эгоистических влечений, но свою одинаковую заинтересованность в поддержании единого и общего всем порядка»⁷. Именно поэтому задача людей, обладающих здоровым и зрелым правосознанием, видится И.А. Ильину в том, чтобы превращать всякий компромисс, достигнутый в ходе социальной борьбы, в «явление правовой солидарности».

Наконец, *в-третьих*, именно в «нормальном правосознании» И.А. Ильин видит средство практического достижения естественно-правовых идеалов «всемирного естественного братства людей» на фоне общемировых исторических процессов «замыкания разобщенных правовых организаций»,

⁶ Ильин И.А. О сущности правосознания / подготовка текста и вступит. ст. И.Н. Смирнова. М., 1993. С. 211, 229.

⁷ Там же. С. 232, 233.

«противопоставления государства государству», международных войн. Разрешается это затруднение через «верное понимание природы духа и природы государства: это разрешение утверждает патриотизм как верное состояние духа, как необходимую основу духовного интернационализма и как живой, действительный путь к положительно-правовой организации международного братства. Здоровое правосознание не только не отвергает государственного образа мыслей и патриотического чувства, но культивирует эти состояния как безусловно ценные и необходимые – не только для индивидуума, но и для государства, и не только для отдельного государства, но и для всего человечества в целом»⁸.

Таким образом, по приведенным выше тезисам И.А. Ильина несложно проследить, каким образом правосознание (как часть и как фактор правовой культуры) детерминирует народовластие и, как результат, *народный суверенитет – в парадигме взаимодействия общества и государства*.

И в то же время при интерпретации приведенных выше суждений И.А. Ильина крайне важно учитывать, что развиваемые им идеи личностной автономии духа имеют мало общего с концепцией так называемого *личностного суверенитета*, или *суверенитета личности*, активно пропагандируемой в доктринах западного либерализма и набирающей в последнее время популярность у некоторых ученых Российской Федерации.

Радикализация суверенитета личности чрезвычайно опасна, ибо не нужно быть провидцем, чтобы обоснованно полагать – *крайние формы личностного (автономного) самоопределения не только ведут к деформации любых факторов социальной солидарности, о которой пишет и И.А. Ильин, но и способны стать источником деструктивных процессов, вполне отвечающих известной формуле войны всех против всех*.

Поэтому, по нашему убеждению, представления о личностном суверенитете (в контексте обсуждаемых здесь вопросов народного и государственного суверенитетов) уместно рассматривать лишь в двух аспектах, и этими аспектами данное понятие только и ограничивать.

Во-первых, вопрос о личностном суверенитете прежде всего приобретает актуальность с позиций проблематики личных свобод индивида, образующих его так называемый *status negativus*, вмешательство в который со стороны государства или общественных институтов категорически неприемлемо: в отсутствие надлежащих гарантий такого невмешательства уместно говорить об ущемлении достоинства личности и, как следствие, умалении

⁸ Там же. С. 233.

(или даже об исключении) критически значимых возможностей самореализации человека.

И опять же — нельзя при этом забывать, что самореализация человека ни при каких обстоятельствах не может являться неправовой или внеправовой: набор личных свобод индивида, несмотря на их неотчуждаемый характер и естественное происхождение, в современных условиях в любом случае получает необходимое конституционное оформление и тем самым вводится в правовые рамки.

Во-вторых, проблематика личностного суверенитета (суверенитета личности) приобретает актуальность и в контексте вопроса о легитимации обществом практики реального конституционализма.

Как справедливо отмечает В.Д. Зорькин, существует «множество высказываний современных философов и социологов, подчеркивающих, что право может быть действенно лишь в той мере, в какой ему удастся получить социальное признание (Пьер Бурдьё), что право должно быть способно доказать собственную легитимность в глазах граждан, обладающих во всех других отношениях разными взглядами (Юрген Хабермас), и т.д. Вряд ли кто-то будет сейчас спорить с тем, что эффективной является такая правовая система, которая обеспечивает легитимность правоустановления и правоприменения... в глазах большинства населения»⁹.

Очевидно, что большинство населения, о котором говорит В.Д. Зорькин, так или иначе всегда оформляется на основе личностных восприятий индивидов.

Собственно, именно о такой трансформации автономии личного духа в гетерономный порядок властвования и говорит И.А. Ильин, когда, в частности, отмечает, что государство в динамике своего существования и развития предполагает наличие «множества телесно разбеденных людей».

Убеждены, речь о суверенитете личности представляется уместной в данном контексте лишь постольку, поскольку личные волевые качества каждого индивида рассматриваются нами в качестве естественной первоосновы солидарной (в конечном счете) общественной легитимации социально-политической системы и образа действий, а значит, и первоосновы как народного суверенитета, так и суверенитета государства!

Возвращаясь, таким образом, к приведенным выше суждениям И.А. Ильина, отметим, что в них отчетливо усматриваются основания и для определения понятия «народ», и для осмысления идей правовой и, более емко, социальной солидарности как общего смыслового контекста, в рамках которого протекает государственно-правовая жизнь

народа, и для уяснения того обстоятельства, что искаженное, *деформированное в сторону идеализма или нигилизма правосознание (в его восхождении от индивидуального к массовому)* способно очень просто привести к крушению правовых принципов, к перерождению народовластия и народного суверенитета в нечто фиктивное или, в худшем случае, антиправовое.

При этом особо подчеркнем, что воззрения И.А. Ильина весьма заметно (только будучи излагаемы другими словами) коррелируют с соответствующими тезисами, которые сформулированы С.А. Авакьяном и Б.С. Эбзеевым и которые уже приводились нами выше.

Изложенное позволяет нам прийти к весьма значимому для характеристики государственного суверенитета выводу: имманентная суверенитету государства и народному суверенитету конвергенция смыслов и ценностей, которая подчас может приводить в том числе и к периодам их определенной контрадикции на заданном историческом отрезке времени, означает ни больше ни меньше то, что *государственный суверенитет постоянно испытывает на себе внутреннее давление со стороны различных социальных проявлений суверенитета народного.*

Невозможно однозначно говорить о том, что это хорошо или плохо, поскольку в одних случаях такое давление оказывает позитивное корректирующее воздействие не только на внутреннюю, но и, что немаловажно, на внешнюю политику государства, в других — эффект, напротив, может получиться весьма негативный.

Ясно одно: этот фактор внутреннего давления на государственный суверенитет необходимо воспринимать как данность, социальную реальность, которая во многом, иногда даже решительным образом, предопределяет реализацию государственного суверенитета во внешних сношениях, в вопросах внешней политики.

По нашему убеждению, этот вывод становится тем более актуальным в наши дни, когда всё человечество стало свидетелем происходящих в планетарном масштабе процессов глобализации, влекущих за собой и изменение конфигурации десятилетиями формировавшейся геополитики под воздействием разнообразных сверхмощных экономических интересов и притязаний.

Полагаем, что естественными в этом отношении становятся и те следствия, которые самым непосредственным образом влияют на понимание и интерпретацию принципа государственного суверенитета в международном экономическом и политико-правовом макропространстве. Эти следствия, на наш взгляд, требуют более детального обсуждения.

⁹ Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России. М., 2015. С. 16.

Глобализационные трансформации и новые контуры геополитики как фактор эрозии устоявшихся принципов суверенитета государств

В продолжение дискуссии важно прежде всего отметить, что, по справедливому замечанию В.Д. Зорькина, по проблеме «глобализации уже написаны сотни книг и тысячи статей. Но до сих пор отсутствует единство в понимании сути этого определяющего современный мир явления».

Обобщая высказанные в данном контексте научные точки зрения, В.Д. Зорькин продолжает: «Одна группа ученых, которых называют гиперглобалистами, полагает, что люди на всей планете попали в зависимость от порядков, царящих на мировом рынке; экономическая глобализация влечет за собой денационализацию экономики путем установления транснациональных сетей производства, торговли и финансов; традиционные национальные государства становятся неестественными и даже невозможными субъектами мировой экономики; глобализация порождает новые формы социальной организации, которые вытесняют и постепенно вытеснят национальные государства как первичные экономические и политические образования мирового сообщества... Другая группа ученых, которых можно назвать скептиками глобализации, напротив, считает, что она не является чем-то новым, что современный уровень экономической взаимозависимости не является беспрецедентным в истории, что наряду с интернационализацией экономики происходит ее значительная регионализация, а увеличение глобального неравенства, реальная политика в области международных отношений и конфликт цивилизаций разоблачают иллюзорную природу глобального правления. <...> Но существует и третья позиция, суть которой состоит в том, что глобализация не устраняет суверенные государства с экономической и политической арены, но серьезно перетряхивает национальную экономику, политическое устройство, переиначивает власть, функции и полномочия национальных правительств. <...> При этом власть национальных правительств не обязательно уменьшается в результате процесса глобализации. Напротив, публичная власть преобразуется, реструктурируется, приспособливается к сущности возрастающих в современном мире процессов управления, пронизанных более тесными взаимосвязями»¹⁰.

Вообще, глобализация, являясь продуктом сочетания как стихийных процессов мировой гуманитарной эволюции, так и сознательной целенаправленной деятельности людей, ведет

к преобразованиям, довольно значимым в планетарном измерении:

во-первых, к трансформации различных национальных политических и экономических систем в единую цивилизацию, в результате чего мировое содружество наций преобразуется в общемировую социум;

во-вторых, к установлению определенных общепринятых правил общественной жизни на планете, признаваемых добровольно или под воздействием со стороны либо мирового сообщества, либо отдельных государств, имеющих возможности такого воздействия;

в-третьих, к зарождению целостной (планетарной) системы экономического и политического миропорядка.

С.Н. Бабурин и его соавторы, например, в своем исследовании проблем глобализации отмечают: «В случае с феноменом глобализации речь конкретно идет о нескольких действительно важных процессах:

глобализации и транснационализации, возникающих на базе информатизации «новой экономики», превращении ее в единый глобальный организм;

развития единой системы мировых коммуникаций, возникновения символа и синонима глобализации – Интернета;

изменения функций национального государства, которое перестает быть единоличным субъектом и критерием общественного прогресса;

активизации деятельности негосударственных образований, в том числе транснациональных корпораций (ТНК) и банков (ТНБ), 53 тыс. которых и 450 тыс. их дочерних филиалов превращают мировую экономику в органично функционирующую систему;

глобализации роли этнических диаспор, религиозных движений, формирования мировых сетей международной организованной преступности и т.п.»¹¹.

Следует признать, что весьма очевидным и вполне объяснимым на фоне отмеченных выше процессов глобализации становится и усиление межкультурной коммуникации разных наций, причем на уровнях, часто не достигаемых для правового нормирования и официального (открыто декларируемого) государственно-властного воздействия, исходя из современного понимания демократических ценностей и свободы личности.

Главным фактором, способствующим интенсификации и расширению горизонта межкультурных

¹⁰ Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. М., 2011. С. 656, 657.

¹¹ Бабурин С.Н., Мунтян М.А., Урсул А.Д. Глобализация в перспективе устойчивого развития. М., 2011. С. 42.

взаимодействий, является и бурное развитие информационно-коммуникативных технологий и сервисов в современном мире, существенный рост доступности этих технологий и сервисов для населения большинства развитых и динамично развивающихся государств за счет их беспрецедентного удешевления, и, как следствие, фактическое устранение барьеров в виде государственных границ для обмена не только экономическими ценностями, но и прежде всего информацией, а также политическим и идеологическим контентом и технологиями.

Понятно, что в таких нынешних реалиях перед каждым государством мира, в том числе и перед Российской Федерацией, стоит задача обеспечения незыблемости своего государственного суверенитета и национальных интересов, выступающих главным условием сохранения этнокультурной аутоидентичности народов соответствующих государств. Тем более что те угрозы этому состоянию (определяемому, в общем, понятием национальной безопасности), которые объективно существуют, представляют собой, с одной стороны, закономерные последствия глобализации, а с другой — являются издержками ее последовательного углубления и в самом деле создают высокие и порой неприемлемые риски на пути развития и даже сохранения самостоятельной государственности стран, включая и государственность Российской Федерации.

Непродолжительное время спустя после начала в отношении Российской Федерации текущего витка беспрецедентного экономического давления (заметим — экономического, но с политическими целями), 24 октября 2014 г., в своем выступлении на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» Президент РФ В.В. Путин, подчеркивая обозначенную выше проблему, отметил: «В мире накопилось множество противоречий. И нужно откровенно друг друга спросить, есть ли у нас надёжная страховочная сетка. К сожалению, гарантий, уверенности, что существующая система глобальной и региональной безопасности способна уберечь нас от потрясений, нет. Эта система серьёзно ослаблена, раздроблена и деформирована. Непростое время переживают международные и региональные институты политического, экономического, культурного взаимодействия»¹².

В.Д. Зорькин также указывает: «Организация Объединенных Наций исходит из того, что любое событие или процесс, которые ведут к массовой

гибели людей или уменьшению шансов на выживание и ослабляют государства как базовые элементы международной системы, представляют собой угрозу международной безопасности. В связи с этим выделяются следующие основные виды угроз, которыми мир должен заниматься сейчас и в предстоящие десятилетия:

- экономические и социальные угрозы, включая нищету, инфекционные болезни и экологическую деградацию;
- межгосударственный конфликт;
- внутренний конфликт, включая гражданскую войну, геноцид и другие массовые зверства;
- ядерное, радиологическое, химическое и биологическое оружие;
- терроризм;
- транснациональная организованная преступность»¹³.

Содержательный анализ приведенного выше перечня угроз, выделяемых мировым сообществом в качестве следствий глобализации, даже в первом приближении делает интуитивно понятными два обстоятельства:

первое: каждая из перечисленных угроз (не говоря уже о сценарии их совмещенного, синергетического осуществления) по масштабу своих потенциальных последствий затрагивает в пределах, условно говоря, «потерпевшей» нации практически все стороны общественной жизни;

второе: как правило, характер и механизм распространения, экспансии любой из этих угроз если и не исключают возможности для любого и каждого из государств справиться с ними в одиночку, то по меньшей мере предполагают гораздо большую эффективность именно совместных действий государств по предотвращению, пресечению и ликвидации угрожающих инцидентов.

В данном контексте проблема сохранения действительного (а не только формального) государственного суверенитета и соблюдения национальных интересов начинает интерпретироваться и с позиции того, что именно перечисленные выше угрозы способны нанести ущерб государственности, и с учетом необходимости кооперации и взаимодействия с другими суверенными государствами, в том числе и в форме создания международных (т.е. наднациональных) институтов регулирования и межгосударственной координации.

При этом следует отметить, что существование проблемы государственного суверенитета в данном

¹² Стенограмма выступления Президента Российской Федерации В.В. Путина на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» по теме «Мировой порядок: новые правила или игра без правил?» (Россия, г. Сочи, 24 октября 2014 г.) // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/news/46860> (по сост. на 01.11.2018).

¹³ Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. С. 657, 658.

измерении является для некоторых исследователей поводом подвергнуть ревизии и саму доктрину государственного суверенитета, и основанный на признании суверенитета государств миропорядок.

Так, в этой связи В.Д. Зорькин пишет, что «в начале XXI в., особенно после событий 11 сентября 2001 г.,¹⁴ возникла самая серьезная угроза существованию миропорядка, созданного суверенными государствами, а значит, и самим основам конституционного устройства суверенных государств. Существующую международную систему атакуют, ссылаясь прежде всего на неспособность национальных государств гарантировать права человека и обеспечить эффективное управление в условиях глобализации. <...> Жизнь, однако, показывает, что отказ от суверенитета одних – на практике лишь укрепляет суверенитет других, присваивающих себе право действовать во имя “всеобщих” интересов». И далее делает вывод: «Лишь суверенитет дает юридически равную, то есть на основе принципа правового равенства, возможность всем государствам быть и развиваться в нынешнем мире. А как сами государства фактически реализуют этот принцип на практике – это вопрос... политического искусства, решаемый по-разному, в том числе и в России...»¹⁵.

Таким образом, в контексте приведенных рассуждений о глобализации и углублении межкультурного взаимодействия в современном мире становится очевидным то обстоятельство, что эти происходящие в планетарном масштабе процессы так или иначе воздействуют на все или почти все стороны общественной жизни людей, ассоциирующих себя с определенными национальными (суверенными) государствами.

Российская Федерация, будучи интегрированной в качестве полноправного члена в мировое сотрудничество наций (суверенных государств), не находится в стороне от указанных преобразований и не имеет возможности их избежать; впрочем, политика дистанцирования, самоизоляции государства от происходящих в мире изменений способна была бы завести Россию на тупиковый путь развития, угрожала бы накоплением отсталости во всех сферах общественной жизни вместо преодоления таковой.

¹⁴ Здесь автором имеется в виду один из крупнейших в истории человечества террористических актов, в результате которого путем намеренного направления пассажирского авиалайнера в высотное здание оказались полностью разрушены обе башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, а число погибших составило около 3 тыс. человек. Кроме того, аналогичным способом в тот же день террористами была совершена атака на главное здание Военного ведомства США Пентагон, не имевшая, однако, столь же масштабных последствий.

¹⁵ Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. С. 663.

Разумеется, что в этой ситуации вопросы сохранения и укрепления государственного суверенитета Российской Федерации, которая, в отличие от многих малых и молодых государств, не вправе позволить себе, в том числе и с учетом своей исторической миссии, поступиться хотя бы толикой своей самостоятельности и самобытности, занимают сегодня важнейшее место в повестке политического руководства государства, а главное, должны решаться сквозь призму соблюдения национальных интересов Российской Федерации не только в процессе межгосударственного общения, но и посредством их реализации в практике внутрисоциального регулирования всех или почти всех сфер жизни общества.

В подтверждение сказанного необходимо в очередной раз привести некоторые извлечения из уже упоминавшегося выше выступления Президента РФ В.В. Путина на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай», проходившего в октябре 2014 г. В частности, Президент РФ отметил в своем выступлении следующее: «Многие механизмы обеспечения миропорядка сложились достаточно давно.., прежде всего по итогам Второй мировой войны. Прочность этой системы основывалась не только на балансе сил... и не только на праве победителей, но и на том, что “отцы-основатели” этой системы безопасности относились с уважением друг к другу, не пытались “отжать всё”, а пытались договариваться. <...> Главное, что эта система развивалась и при всех изъянах помогала если не решать, то хотя бы удерживать в рамках существующие мировые проблемы, регулировать остроту естественной конкуренции государств. <...> Убежден, этот механизм сдержек и противовесов, который в предыдущие десятилетия трудно складывался, порой мучительно выстраивался, нельзя было ломать, во всяком случае нельзя было ничего ломать, не создавая ничего взамен... Нужно было провести разумную реконструкцию, адаптировать к новым реалиям систему международных отношений. <...> Однако Соединённые Штаты, объявившие себя победителями в “холодной войне”, самоуверенно... подумали, что в этом просто нет нужды. И вместо установления нового баланса сил, который является необходимым условием порядка и стабильности, напротив, были предприняты шаги, которые привели к резкому усугублению дисбаланса. <...> “Холодная война” закончилась. Но она не завершилась заключением “мира”, понятными и прозрачными договорённостями о соблюдении имеющихся или о создании новых правил и стандартов. Создалось впечатление, что так называемые победители в “холодной войне” решили дожать ситуацию, перекрыть весь мир исключительно под себя, под свои интересы. И если сложившаяся система международных отношений,

международного права, система сдержек и противовесов мешала достижению этой цели, то её тут же объявляли никчёмной, устаревшей и подлежащей немедленному сносу»¹⁶.

Особую актуальность (если не сказать – новое, тревожное прочтение) отмеченные в выступлении Президента РФ краеугольные моменты обретают в контексте недавно объявленного Соединенными Штатами Америки стремления выйти из так называемого Договора РСМД (о ракетах средней и малой дальности)¹⁷ и последнего Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-3), подписанного президентами Б. Обамой и Д.А. Медведевым¹⁸.

В контексте логики выступления Президента РФ следует подчеркнуть, что, поскольку национальные интересы Российской Федерации являются не чем иным, как публичными (по своей природе) интересами, постольку главным источником их фиксации в наиболее обобщенном и ёмком выражении выступает Конституция РФ и нормы конституционного права. Соответственно, в отдельных сферах общественной жизни, традиционно составляющих предмет отраслевого правового регулирования, реализация национальных интересов в праве (прежде всего путем их явной или опосредованной фиксации в правовых нормах) неизбежно приводит к более глубокому и рельефному проникновению элементов конституционно-правового регулирования во все отрасли российского права – происходит их конституционализация.

Не случайно, завершая свое выступление на так называемом «Валдайском форуме», Президент РФ В.В. Путин еще в 2014 г. подчеркнул значимость сохранения и укрепления именно сложившихся и конституционно закрепленных приоритетов развития государства: «Россия свой выбор сделала, наши приоритеты – дальнейшее совершенствование институтов демократии и открытой экономики, ускоренное внутреннее развитие с учётом всех позитивных современных тенденций в мире и консолидация общества на основе традиционных ценностей и патриотизма. У нас интеграционная,

позитивная, мирная повестка дня, мы активно работаем с нашими коллегами по Евразийскому экономическому союзу, Шанхайской организации сотрудничества, БРИКС, с другими партнёрами. Эта повестка направлена на развитие связей между государствами, а не на разъединение. Мы не собираемся сколачивать какие-либо блоки, втягиваться в обмен ударами. Не имеют под собой основания и утверждения, что Россия пытается восстановить какую-то свою империю, покушается на суверенитет своих соседей. Россия не требует себе какого-либо особого, исключительного места в мире, я хочу это подчеркнуть. Уважая интересы других, мы просто хотим, чтобы и наши интересы учитывали, и нашу позицию уважали»¹⁹.

Сказанное, как видно из приведенной выше цитаты, не только означает необходимость соблюдения и реализации национальных интересов Российской Федерации, но и подразумевает (в том числе и прежде всего) дальнейшее укрепление интегративной роли конституционного права как ключевой, системообразующей отрасли российского права и вообще российской правовой традиции. Но одновременно это и признание того, что Российская Федерация, ее правовая система в целом и лежащая в ее основании отрасль конституционного права в своем дальнейшем развитии (если говорить об эволюции отрасли российского конституционного права не просто как о своде норм, а о «живой материи», т.е. реальной практике конституционно-правовых отношений), безусловно, ориентированы как на поддержание и укрепление общепризнанных принципов и норм международного права, сложившихся к настоящему времени, так и на имплементацию новых механизмов и подходов паритетной и сбалансированной международно-правовой координации национальных интересов всех суверенных государств.

И эти тенденции в полной мере соответствуют происходящим в планетарном масштабе процессам глобализации конституционализма, на что обоснованно обращает внимание Н.С. Бондарь. Характеризуя проблему конкуренции конституционных ценностей, лежащих в основе современных процессов глобализации, он справедливо отмечает, что «игнорирование мультикультурной природы современных правовых систем, их национальных и исторических особенностей может привести (и уже нередко приводит) в правоглобализационном процессе к политической, идеологической, правовой экспансии экономически, военно-политически господствующих стран и блоков,

¹⁶ Стенограмма выступления Президента Российской Федерации В.В. Путина на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» по теме «Мировой порядок: новые правила или игра без правил?» (Россия, г. Сочи, 24 октября 2014 г.).

¹⁷ См., напр.: Трунина А. Лавров назвал сроки выхода США из Договора о РСМД // Официальный сайт Информационного агентства «РБК». 25.10.2018. URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/10/2018/5bd1d0359a7947bcd47196d3> (по сост. на 01.11.2018).

¹⁸ См., напр.: Рябков не исключил выход США из Договора СНВ-3 // Официальный сайт Информационного агентства «РБК». 25.10.2018. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5bd0f2ac9a79478461ed0c97> (по сост. на 01.11.2018).

¹⁹ Стенограмма выступления Президента Российской Федерации В.В. Путина на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» по теме «Мировой порядок: новые правила или игра без правил?» (Россия, г. Сочи, 24 октября 2014 г.).

в основе чего — не сила права, а право силы и, соответственно, отказ от фундаментальных конституционных идей демократии и государственного суверенитета».

В продолжение своей мысли Н.С. Бондарь резюмирует, что подобное положение дел «в одинаковой мере опасно как для внутригосударственного, так и для международного мироустройства, что с особой остротой проявилось в контексте глубокой коллизии между двумя общепризнанными и, соответственно, императивными принципами международного права — самоопределения народов и территориальной целостности государств. Политика двойных стандартов, когда на международном уровне (включая ООН, Евросоюз и т.п., не говоря уже об отдельных государствах) за одними народами признается правомерность борьбы за государственное самоопределение (например, Косово), а другие народы такого права лишаются, может привести к разрушению основополагающих принципов современного международного права и заложенных в них ценностей»²⁰.

Думается, с нами согласятся, что это как раз тот случай, когда международное право, его сугубо юридическая рациональность и верховенство оказываются в очередной раз подавляемы внешней политикой ряда государств, чьим национальным (иначе говоря, собственным конституционно-правовым) интересам не отвечает подобное развитие событий.

Однако (и подобное весьма вероятно, если говорить о взаимосвязанности принципов международного права с национальными правовыми системами) следует иметь в виду, что любая вольная интерпретация сложившихся в международном праве канонов неизбежным образом наносит или нанесет в недалеком будущем не менее сокрушительный удар и по устойчивости собственных национальных правовых систем тех государств, которые позволяют себе подобные двойные стандарты в международных отношениях: *подмена права политической целесообразностью недопустима* (!).

Вместо заключения: посильные суждения о главном

В заключение данного краткого очерка о современных проблемах интерпретации и реализации принципа государственного суверенитета необходимо подчеркнуть, что нам представляется верным юридический контекст выступления Президента РФ В.В. Путина на «Валдайском форуме», выдержки из которого приводились выше: *приверженность России устоявшимся принципам, идеям и ценностям*

²⁰ Бондарь Н.С. Судебный конституционализм: доктрина и практика. 2-е изд., перераб. М., 2016. С. 259.

международного права — единственный рациональный путь не только развития национальной правовой системы, и прежде всего сферы конституционно-правового регулирования как непосредственной юридической основы Российской государственности, но и вообще сохранения суверенной российской правовой традиции в современном мире.

В этом отношении прав В.Д. Зорькин, который пишет: «Сейчас мы видим со стороны Запада и его российских поклонников невиданные по размаху информационные фальсификации событий на Украине и их контекста. Мы видим, что официальные западные правовые интерпретации этих событий настойчиво и однозначно объявляют “кругом виноватой” Россию. Мы слышим, как крупные западные политики открыто заявляют, что России объявлена новая “холодная война”, цель которой — “майдан” в Москве и смена российской власти. Мы видим и читаем, как российские поклонники таких официальных западных интерпретаций, кто осторожно “покусывая по мелочам”, кто открыто и развернуто, со всем этим солидаризируются. <...> Для меня это означает, что сейчас Россия переживает очередное нашествие западных (и внутренних прозападных) “цивилизованных варваров”. Нашествие — пока — происходит в формах и механизмах постмодернистских информационных фальсификаций, неприкрыто наглых интерпретаций права и экономических санкций. Однако это нашествие по масштабу и намерениям вполне соразмерно варварским нашествиям тевтонских рыцарей или армий Наполеона. <...> Нашествие “новых варваров” — объявлено. Наша задача, даже в этих условиях, — изо всех сил защищать ПРАВО»²¹.

Следует признать очевидное — это лишь в очередной раз убедительно доказывает, что право как важнейший регулятор общественных отношений не может всякий раз приноситься в жертву под предлогами политической, хозяйственной, административной или любой другой целесообразности: пренебрежение верховенством (можно сказать, незыблемостью авторитета) права, являющегося мерилom и одновременно выражением общественных представлений о гражданском мире и согласии, социальной справедливости, нравственном и безнравственном, способно стать причиной настоящих трагедий в сотнях и тысячах человеческих судеб, особенно если речь идет о пренебрежении общепризнанными принципами и нормами международного права, а также взаимосвязанными с ними конституционными устоями и ценностями, к числу важнейших из которых, вне всякого сомнения, относится и **принцип суверенитета государства**.

²¹ Зорькин В.Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика. М., 2017. С. 309.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авакьян С.А.* Точка отсчета — народ // Росс. газ. 2006. 26 окт.
2. *Бабурин С.Н., Мунтян М.А., Урсул А.Д.* Глобализация в перспективе устойчивого развития. М., 2011. С. 42.
3. *Бондарь Н.С.* Судебный конституционализм: доктрина и практика. 2-е изд., перераб. М., 2016. С. 259.
4. *Бредихин А.Л.* Суверенитет как политико-правовой феномен. М., 2014. С. 3.
5. *Зорькин В.Д.* Конституционно-правовое развитие России. М., 2011. С. 656–658. 663.
6. *Зорькин В.Д.* Конституционный Суд России: доктрина и практика. М., 2017. С. 309.
7. *Зорькин В.Д.* Цивилизация права и развитие России. М., 2015. С. 16.
8. *Ильин И.А.* О сущности правосознания / подготовка текста и вступит. ст. И.Н. Смирнова. М., 1993. С. 211, 229, 232, 233.
9. Рябков не исключил выход США из Договора СНВ-3 // Официальный сайт Информационного агентства «РБК». 25.10.2018. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5bd0f2ac9a79478461ed0c97> (по сост. на 01.11.2018).
10. Стенограмма выступления Президента Российской Федерации В.В. Путина на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» по теме «Мировой порядок: новые правила или игра без правил?» (Россия, г. Сочи, 24 октября 2014 г.) // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/news/46860> (по сост. на 01.11.2018).
11. *Трунина А.* Лавров назвал сроки выхода США из Договора о РСМД // Официальный сайт Информационного агентства «РБК». 25.10.2018. URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/10/2018/5bd1d0359a7947bcd47196d3> (по сост. на 01.11.2018).
12. *Эбзеев Б.С.* Народ, народный суверенитет и представительство: доктринальные основы и конституционная практика // Государство и право. 2016. № 4. С. 34, 35.

REFERENCES

1. *Avak'yan S.A.* Tochka otscheta — narod // Ross. gaz. 2006. 26 okt.
2. *Baburin S.N., Muntyan M.A., Ursul A.D.* Globalizaciya v perspektive ustojchivogo razvitiya. M., 2011. S. 42.
3. *Bondar' N.S.* Sudebnyj konstitucionalizm: doktrina i praktika. 2-e izd., pererab. M., 2016. S. 259.
4. *Bredihin A.L.* Suverenitet kak politiko-pravovoj fenomen. M., 2014. S. 3.
5. *Zor'kin V.D.* Konstitucionno-pravovoe razvitie Rossii. M., 2011. S. 656–658. 663.
6. *Zor'kin V.D.* Konstitucionnyj Sud Rossii: doktrina i praktika. M., 2017. S. 309.
7. *Zor'kin V.D.* Civilizaciya prava i razvitie Rossii. M., 2015. S. 16.
8. *Il'in I.A.* O sushchnosti pravosoznaniya / podgotovka teksta i vstupit. st. I.N. Smirnova. M., 1993. S. 211, 229, 232, 233.
9. Ryabkov ne isklyuchil vyhod SShA iz Dogovora SNV-3 // Oficial'nyj sajт Informacionnogo agentstva RBK. 25.10.2018. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5bd0f2ac9a79478461ed0c97> (po sost. na 01.11.2018).
10. Stenogramma vystupleniya Prezidenta Rossijskoj Federacii V.V. Putina na zase-danii Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba “Valdaj” po teme “Mirovoj poryadok: novye pravila ili igra bez pravil?” (Rossiya, g. Sochi, 24 oktyabrya 2014 g.) // Oficial'nyj sajт Prezidenta Rossii. URL: <http://www.kremlin.ru/news/46860> (po sost. na 01.11.2018).
11. *Trunina A.* Lavrov nazval sroki vyhoda SShA iz Dogovora o RSMD // Oficial'nyj sajт Informacionnogo agentstva RBK. 25.10.2018. URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/10/2018/5bd1d0359a7947bcd47196d3> (po sost. na 01.11.2018).
12. *Ebzeev B.S.* Narod, narodnyj suverenitet i predstavitel'stvo: doktrinal'nye osnovy i konstitucionnaya praktika // Gosudarstvo i pravo. 2016. № 4. S. 34, 35.

AGAIN TO THE ISSUE OF STATE'S SOVEREIGNTY AND NEW GEOPOLITICS: LEGAL AXIOLOGY AND AUTHOR'S REFLECTIONS

© 2019 N. M. Dobrynin

*Institute of state and law of Tyumen state University;
Tyumen scientific center of the Federal research center of RAS*

E-mail: belyavskaya@partner72.ru

Received 22.01.2019

The research contains the results of author's critical reflection of the modern concept of the sovereignty phenomenon as an inherent trait of every national State in the world, and also the problems of its implementation due to globalization processes and, especially, in connection with some latest geopolitical events and challenges. Author highlights the increase of instability in the world at time, which is coming apparent with casuistic interpretations being provided by the leaders of some of the Western regimes for the long-standing and firm principles and morals of International law. In conclusion it is stated that the only way to guarantee and implement the national interests of Russia in connection with the challenges indicated above is the consistent development of the Russian Constitutional law on the basis of purely legal rationale of the commonly recognized principles and rules of International law.

Key words: constitutionalism, state sovereignty, globalization, national interests, national safety, International Law, constitutional legal development, Russian legal heritage, nation, national sovereignty.

Сведения об авторе

ДОБРЫНИН Николай Михайлович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета, Тюменский научный центр Федерального исследовательского центра РАН

Authors' information

DOBRYNIN Nikolaj M. — Doctor of Law, Professor, honored lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Institute of state and law of Tyumen state University, Tyumen scientific center of the Federal research center of RAS